
ВЗАИМОВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Л.Я. Рахманова

Кафедра культурной антропологии и этнической социологии
Санкт-Петербургский государственный университет
ул. Смольного, 1/3, Санкт-Петербург, Россия, 191124

Статья посвящена проблеме влияния социокультурной адаптации индивида на формирование его личности и идентичности; рассматриваются процессы первичной и вторичной социализации в сравнении с последующими адаптационными процессами, а также возможность нахождения компромисса между неизменной, жесткой идентичности и способностью гибко адаптироваться к меняющимся условиям. Автором выделены позитивные и негативные стороны адаптации в современном обществе; выдвинута гипотеза о том, что адаптация, протекающая успешно, в рамках нормы, способствует сохранению устойчивости общественных структур, однако не их развитию, поскольку в дезадаптивном поведении отдельных индивидов и целых групп содержится потенциал, необходимый для последующих социальных трансформаций. Во второй части статьи обозначена взаимосвязь социокультурной идентичности и положения индивида в различных социальных общностях, ставится вопрос о том, возможно ли существование и функционирование социальной общности как чистой «формы» при отсутствии индивидов, являющихся ее реальными членами. Феномен идентичности также рассматривается в свете оппозиций универсального и уникального, тождества и различия. В статье также вводится понятие включенности в социокультурный контекст как один из показателей завершенности и глубины социокультурной адаптации индивида к среде, а также значимости данной среды во внутренней иерархии индивидуальной идентичности.

Ключевые слова: социокультурная адаптация; индивидуальная идентичность; личность; социализация; интернализация; сообщество; общность; включенность в социокультурный контекст.

В ходе анализа множества определений идентичности мы неизбежно сталкиваемся с тем, что представления различных направлений и теоретических школ об идентичности напрямую связаны с определениями личности в рамках определенной культуры, поэтому цель статьи — выяснить, каким образом структура идентичности связана со структурой личности и какую роль в корреляции личности и идентичности играет процесс социокультурной адаптации.

Прежде всего уточним, что в работе речь идет об индивидуальной идентичности — она может быть множественна или же представлять собой единое и целостное образование, однако так или иначе идентичность «привязана» определенным образом к одной конкретной личности. Таким образом, личность является питательной средой для формирования идентичности, и, одновременно, — естественной границей, регулирующей экспансию идентичности в окружающее социокультурное пространство.

Однако, как отметил Клиффорд Гирц, «современная западная концепция личности как связанной, уникальной и более или менее целостной мотивационной

и когнитивной вселенной... какой бы неизменной она нам не казалась, тем не менее, в контексте мировой культуры, является весьма специфичной идеей» [17. Р. 229].

Быть может, сомнение в единстве и непрерывности человеческой личности и предопределило формирование представлений о спорности существования единой, связной и непротиворечивой идентичности человека. С одной стороны, характер личности определяет характер идентичности и ее индивидуальную структуру. С другой стороны, идентичность, в свою очередь, может оказывать стабилизирующее влияние на личность, удерживать ее и сохранять от распада. Энтони Гидденс утверждал, что самоидентичность — это «постоянное чувство непрерывной духовной и телесной личности» [18. Р. 55]. Что формируется раньше? Здесь также уместен вопрос о том, какая структура является более стабильной — структура идентичности или структура личности.

Социализация, аккультурация и адаптация — это те процессы, которые в равной степени влияют как на идентичность, так и на саму личность. Однако «социализация никогда не тотальна и никогда не является завершенной, что подводит нас к двум проблемам: во-первых, каким образом реальность, интернализованная при первичной социализации, поддерживается в сознании, и, во-вторых, какое место занимают в биографии индивида последующие акты интернализации (или вторичной социализации)» [15. Р. 157].

С учетом вышесказанного можно предположить, что идентичность является в данном случае буферной структурой, которая «перерабатывает» притязания общества и культуры, тенденции и запросы, а затем передает скорректированный сигнал в направлении самой личности.

О том, что идентичность служит своего рода источником для обогащения социокультурного содержания личности, писал еще Эдмунд Гуссерль: «индивидуальное Я в своем стремлении к культуре обращается на накопленные богатства своего общества не столько ради пассивного удовольствия их присвоения, сколько ради получения стимула для *развертывания личности* и для того, чтобы сориентироваться в мире (точнее, в одном из миров) культурных ценностей» [4. С. 484]. Таким образом, идентичность отвечает за ориентацию в социокультурном пространстве и за наполнение личности содержанием, необходимым, чтобы успешно действовать в определенных социокультурных контекстах.

Еще один аргумент в пользу непосредственной тесной связи между личностью и идентичностью основан на необходимости быстрой ориентации в социокультурной среде, быстрых ответов на культурно-исторические и социально-экономические вызовы эпохи в крайне быстрых темпах культурных трансформаций.

Формирование и корректировка содержания идентичности становится индивидуальным процессом, когда необходима быстрая реакция для мобилизации личности посредством артикуляции идентичности. О влиянии «текучей повседневности» и высокой скорости социальных изменений на идентичность Зигмунд Бауман пишет следующее: «идентичность в современном сознании и практике изначально является индивидуальной задачей. Именно индивид должен найти путь, чтобы вырваться из ситуации неопределенности. Не в первый и не в последний

раз проблемы, происходящие из социального, были переложены на плечи индивида, а коллективные болезни должны быть исцелены персонально подобранным средством» [14. Р. 19].

Каким образом снизилось влияние общества и сообществ на формирование идентичности? «С возрастанием значения контроля над идентичностью со стороны индивида институциональные способы управления трансформациями личности утратили свою власть» [13. Р. 52]. Можно предположить, что свобода индивида в современном обществе в большей степени связана не с доступом к средствам производства и даже не со свободой потребления, а напрямую ассоциируется с правом выбирать, формировать и корректировать свою идентичность. Это, в свою очередь, означает, что стремление к свободе личности основано сегодня на стремлении к свободе репрезентаций собственной идентичности в обществе и возможности быть верно истолкованным другими членами, т.е. «чтобы социально санкционированная трансформация произошла, мы должны верить в силы, которые инвестируются властями, чтобы обозначить для нас эти изменения. Но во многих смыслах сегодня подобная власть упала в цене благодаря нашей вере в то, что мы должны произвести такие изменения самостоятельно» [13. Р. 52]. Способность влиять на процессы личностных изменений напрямую связана с ясным пониманием своей идентичности и собственного места в мире. Однако способность к осознанию идентичности самим субъектом определяется также и степенью его адаптированности к окружающей социальной среде.

В социологии термин «социальная адаптация» часто упоминается в одном ряду с такими понятиями, как «социализация», «интернализация», «аккультурация». Первичная социализация формирует индивида как субъекта социального действия, благодаря чему становится возможна последующая институциональная социализация. С данным утверждением солидарен В.А. Ядов: «...без прохождения стадии адаптации невозможно представить себе развитие социального субъекта как деятельного агента, формирующего новые социальные структуры и отношения» [12. С. 159].

Только после формирования субъекта мы можем говорить о возможности интернализации, адаптации и других социокультурных процессов.

Формирование идентичности индивида, безусловно, начинается еще до завершения его социализации, и даже если она не завершена или, по каким-то причинам, протекает нормативно, идентичность, не зависимо от этого, обретает некую устойчивую форму. Адаптация, в свою очередь, возможна, когда уже существует личностный фундамент, на котором происходит процесс со-настройки с окружающей реальностью (со-настройка не может протекать в условиях отсутствия сформировавшегося субъекта). Однако возможна ли адаптация субъекта, у которого отсутствует или не артикулирована идентичность? Мы склонны предположить, что это невозможно, поскольку социокультурная адаптация — процесс соотношения конкретных исторических и географических измерений с не-анонимным субъектом, у которого есть характерные черты, свойства и, конечно же, имя.

Если социализация — это явление, которое происходит, завершается и дает определенный результат, о котором мы можем в дальнейшем судить, то адаптация — это серия разнонаправленных векторов, исходящих из единого центра, поскольку для каждого индивида адаптация происходит в отношении разных сред, общностей и ситуаций. Зачастую в контексте социальной теории, неустойчивая или «кризисная» идентичность трактуется как результат сбоя процесса адаптации.

И возникновение проблем с самоопределением, и неспособность встроиться в социокультурную общность — это своего рода девиация, что, безусловно, является проблемой и угрозой для стабильной социальной политики. Так, в выводах к своему эмпирическому исследованию, посвященному изучению идентичности в постсоветском обществе, Владимир Ядов и Елена Данилова отмечают, что «собственно кризисной идентичностью принято считать состояние людей, не способных в силу разных причин (в том числе и вследствие психологической ригидности) адаптироваться к меняющимся условиям жизни» [5. С. 30]. То есть идеальное сочетание идентификационных и адаптационных стратегий, согласно данному утверждению, выглядит следующим образом: стабильная идентичность, основанная на знании традиции и технологии, и гибкая, подвижная тактика приспособления и адаптации к среде. Стабильность и гибкость — вот наилучшая формула.

Однако если мы прислушаемся к западноевропейским и американским коллегам, в их работах мы найдем несколько иную формулу идеальной стратегии поведения. Эрик Эриксон полагает, что для того, чтобы индивид мог сохранить свою целостность и стабильную идентичность, ему необходимо в некоторых ситуациях не быть гибким и не принимать все условия изменчивой окружающей среды, а, наоборот — противостоять унифицирующим тенденциям, которые являются угрозой для его индивидуальности: «при здоровом индивидуализме „предданная“ девиантность сдерживает гнев, служа целостности, которую необходимо восстанавливать, без чего психосоциальная эволюция была бы обречена» [11. С. 262].

Учитывая обе позиции, мы можем сделать вывод, что адаптация имеет две стороны: она важна для сохранения традиционных тенденций, но в некоторых случаях дезадаптивное поведение порождает новую традицию и становится толчком для социальных изменений. Идентичность — это неосознанный, но взвешенный выбор либо в пользу традиции, либо в сторону изменения, происходящий в единицу времени. Это также и выбор между ценностью автономного «Я» и ценностью единства и солидарности внутри сообщества. И потому сильная, ясно ощущаемая идентичность не позволяет инертности адаптационных процессов взять верх над изобретательностью и нестандартными путями развития общества и индивида. «В нашем последнем разговоре Пауль Тиллих выказал беспокойство по поводу чрезмерной сосредоточенности медицины на „адаптивном“, „эго“. Она, по его мнению, может привести в будущем к дальнейшим попыткам сделать человечество настолько „адаптивным“, что оно уже будет не в состоянии думать об „абсолютных целях“» [11. С. 307]. Поэтому, говоря о социальной адаптации, следует с большой осторожностью говорить об этом явлении исключительно

в позитивном значении. Иначе можно получить ситуацию, когда «пассивно-выжидательная стратегия адаптации определенно доминирует над активно-деятельной» [12. С. 177]. Не является ли причиной пассивности сама установка на то, что адаптация так или иначе необходима?

Связь индивида с социальным полем имеет и обратную сторону: отказываясь от всего инакового, не похожего на других, человек, с одной стороны, интегрируется в сообщество, но с другой стороны, подвергается символическому насилию со стороны общественной культуры. О негативной стороне этого контраста стабильности и гибкости пишут в своей критической статье Роджерс Брубейкер и Фредерик Купер. Они отмечают, что порой «распределение людей с „нелинейными“ жизненными траекториями и многообразным опытом социальных изменений и адаптаций (что и составляет культуру) „по идентичностям“ оставляет их в незавидном положении: с одной стороны, их опыт не отвечает определениям „сильной“ „идентичности“, с другой — „слабая“ риторика гибридности, множественности и текучести конструктивистского понятия „идентичности“ не обеспечивает им ни понимания, ни утешения» [3. С. 170—171]. В связи с этим понятно, что невозможно компромиссное сочетание жесткости (стабильности) и гибкости (адаптивности) идентичности. В каждой конкретной ситуации выбор делается либо в пользу сохранения крепкой личности и идентичности, либо в пользу подстраивания под общественную норму.

Или же все-таки компромисс возможен? Жан Бодрийяр предлагает неожиданный взгляд на современные тенденции: «способность адаптации совпадает с социальной мобильностью, отличной от традиционного возвышения выскочки или человека, продвинувшегося самостоятельно. Теперь не разбивают связи своей индивидуальной траекторией, не пролагают свой путь, порвав со своим классом, не сжигают мосты; речь идет о том, чтобы быть подвижным вместе со всем миром и преодолевать закодированные ступени иерархии, знаки которой неукоснительно распределяются» [2. С. 217].

Однако «быть подвижным вместе со всем миром» вовсе не означает размытие идентичности или потерю личностной автономии. Предлагается смена оптики и новый взгляд на природу социальных трансформаций и социального движения как такового. История — не движение целой совокупности индивидов, которые своими разрозненными траекториями составляют более или менее четкое русло. Современная история — это движение обществ и сообществ, их столкновение. Теперь они, а не отдельный индивид, являются основными единицами измерения: ранее уникальные и даже маргинальные поступки теперь могут легко стать трендом — «контекст постмодерна дает новые качества тем типам, что были известны его предшественникам, — и это происходит по двум ключевым направлениям. Первый: стили, когда-то практиковавшиеся маргиналами в маргинальные временные промежутки времени и в маргинальных местах, теперь практикуются большинством людей в период расцвета возможностей и занимают центральное место в их жизненном мире. Теперь эти стили действительно стали стилями жизни. Второе: для некоторых, если не всех, эти типы не являются вопросом выбора,

не ‘или-или’ — постмодерная жизнь слишком беспорядочна и бессвязна для того чтобы иметь хоть какую-нибудь связную модель» [14. Р. 26].

Соответственно, адаптация в условиях современного общества — крайне опасный проект, на который не «ставят» западные общества. Порой среда, к которой индивиду предстоит адаптироваться, настолько размыта, ее границы так зыбки, что сложно говорить о возможности как-либо повысить эффективность адаптации в подобных условиях: «в том случае, если ориентация в социальном пространстве блокируется из-за неструктурированности последнего или из-за комплекса проблем, связанных с механизмом ориентации (ригидность, дефицит информации, множественность ценностных ориентации и т.д.), адаптация затруднена» [12. С. 119].

Неструктурированность социального пространства, размытые границы, постоянная смена условий жизни — это не единственные проблемы, стоящие на пути реализации частных адаптивных стратегий. Ведь также «исчезают системы обмена, разлагаются системы родства, разрушаются сообщества, происходит ослабление или кризис механизмов социального воспроизводства. Обучение признавалось переносчиком определенного культурного наследия, так же как механизмом адаптации к профессиональным и социальным изменениям» [10. С. 97]. В итоге ставка на формирование и защиту идентичности от разрушительных влияний текущей повседневности — это гораздо более обоснованная стратегия, нежели превознесение значимости социальной адаптации, поскольку она в современных условиях скорее ставит под угрозу целостность личности, нежели сохраняет ее от распада.

Помимо вышеупомянутых функций (ориентация в социокультурном пространстве и снабжение структуры личности новым содержанием, сохранение целостности личности в условиях дезадаптивной среды), идентичность выполняет и другую важную задачу: она задает баланс между конкретной личностью и общностью или совокупностью общностей, к которым принадлежит. В культурной антропологии и социологии культуры подобные взаимосвязи выявляются при изучении процессов инициации, именования, присвоения статуса и, на завершающем этапе — проявляются в сформированной идентичности: «Ученые часто относят ритуалы присвоения имен к ритуалам „рождения“; однако именование в меньшей степени касается рождения и в большей степени связано с установлением идентичности и выработкой баланса между индивидуумом и группой, в которой он или она родились» [19. Р. 45].

Очевидно, что говоря об идентичности, мы работаем непосредственно с групповой принадлежностью, с понятием членства, но этот аспект не раскрывает в полной мере всего значения социокультурной идентичности как таковой.

Потому следующий шаг, который необходимо сделать, — взглянуть на оборотную сторону идентичности, которая скорее соотносится напрямую с категорией субъективности, нежели с категорией принадлежности. «Я использую „идентичность“ чтобы сослаться на место встречи — точку сшивания того, что с одной стороны, побуждает нас включиться как социальных субъектов определенного

дискурса и, с другой стороны, процессов, которые производят субъективности, конструирующие нас в качестве субъектов, о которых возможно „говорить“» [20. Р. 5—6]. В этом определении Эдварда Холла отражены, с одной стороны, процессы включения в группу, самоприписывания и признания, и, с другой стороны, процессы формирования и именования самого субъекта. Но тогда, если мы говорим о сообществах, имеющих сравнительно краткую историю и не укорененных на конкретной территории, то, что в данном случае является первичным: субъекты, солидаризирующиеся на какой-либо основе, или же сообщества, влияющие на идентичность и групповую принадлежность своих членов?

Жан-Люк Нанси отвечает на этот вопрос, делая акцент в большей степени на взаимодействии индивидов, нежели на сообществе как конституирующем социальную инстанцию: «я», полноценная идентичность, является не эфемерной, а зрелой и стабильной, если она обладает независимым значением, которое, «как и любое другое означающее, можно было повторить вне присутствия означаемой вещи. Это возможно только в «я» другого индивида или в «ты», с помощью которого некто обращается ко мне. В обоих случаях «я» не предшествует этой коммутации и коммуникации «я». Сообщество и коммуникация конституируются из индивидуальностей, скорее чем наоборот, и, возможно, индивидуальность в конечном счете есть лишь граница сообщества» [9. С. 183].

И все же социальная группа и сообщество — это необходимые компоненты сферы социального, без которых индивиды и коммуникация между ними оказались бы «подвешенными в воздухе». Кроме того, если предположить возможность прямого аналитического перехода с уровня индивида на уровень общества, то все связи, возникающие в таком социальном пространстве, окажутся исключительно анонимными, поскольку «основные свойства общества базируются на анонимности важнейших интересующих отношений... Межсубъектные связи рассматриваются как созданные, то есть как искусственные... Индивидуализм с его требованиями свобод личности образует сердцевину „общественного“ образа человека. Конкуренция по правилам есть упорядочивающая идея „общественных“ связей» [1. С. 310].

Избежать крайности, заключающейся в полной анонимности интересующих связей, позволяет только введение третьей инстанции, помимо индивида и общества, — сообщества. Это та инстанция, которая делает возможным прояснение процессов формирования идентичности, основанной на принадлежности к сообществам и группам — реальным или существующим лишь в представлениях. Однако принадлежность к гражданскому обществу определенного государства, к нации, к человечеству — все эти виды идентичности остаются совершенно абстрактными по содержанию, пока идентичности более мелкого социального масштаба не будут артикулированы и прояснены. В связи с этим Вернер Беккер отмечает, что «противоположность „общественного“ и „общественного“ элементов есть постоянный источник интересующих напряжений, которые также перманентно находят реализацию в политической области» [1. С. 310]. Эти интер-

субъективные напряжения проявляются и в социальной области и находят свое воплощение в формировании иерархии ценностей и идентичностей, которые притягивают и распространяют свое влияние на различные аспекты личности человека.

Итак, любой вид общности — будь то группа, коллектив, сообщество — претендует на монополию в деле выстраивания доминантных компонентов идентичности человека. С одной стороны, появление все новых и новых видов общностей обогащает идентификационный выбор индивида, предлагая новые категории принадлежности для соотнесения себя с ними. С другой стороны, подобное богатство внутреннего содержания идентичности зачастую приводит к раздробленности самосознания индивида. Кроме того, многокомпонентная идентичность постепенно концентрируется на обретении новых свойств и качеств, которые появляются вместе с вступлением в новые сообщества и группы. Однако «ядро» идентичности в ходе этого процесса постепенно ослабляется, делая индивида более податливым и разрушая его целостность за счет периферийных влияний. Жак Деррида указывает на эту опасность чрезмерно сильной идентификации, приводящей к слиянию индивида и группы: «слово „сообщество“ мне никогда не нравилось из-за связанных с ним коннотаций: соучастие и даже идентификационное слияние — я в них вижу столько же угроз, сколько и обещаний» [6. С. 87].

Как мы видим, категории сообщества и социальной группы играют связующую роль между индивидом и обществом. И здесь индивид балансирует между двумя крайностями: в первом случае существует опасность монополизации идентификационного выбора человека со стороны одной сильной инстанции; во втором случае — угроза сильной фрагментации идентичности. «Как нам кажется, не стоит утверждать, что эти миллионы индивидов — больные люди, чье „я“ — „в осколках“, или, что речь идет только о тотальных оппортунистах... По нашему мнению, речь идет, скорее, об „ограниченном оппортунизме“: в этом случае настоящее „я“ появляется лишь в тех ситуациях, в которых индивид чувствует себя реально включенным» [8. С. 110].

Таким образом, погоня за идентичностью — ясной, богатой, четко структурированной и понятной не только самому ее обладателю, но и окружающим, — представляет собой балансирование между распылением на разнообразные категории и личностные характеристики, с одной стороны, и чрезмерным акцентированием внимания на одном свойстве или на своей принадлежности к одной-единственной общности — с другой. Шанталь Муфф особенно интересуется «новый способ артикуляции связи между универсальным и особенным... вопрос в том, как возможно помыслить форму общности, которая не стирала бы различия» [21]. Соотношение сходства и различия, тождественности и уникальности становится более явным, если при анализе идентичности принимать во внимание не только взаимосвязь личности и сообщества, личности и группы, но и учитывать социальный контекст, и, как отметил Кармель Камиллери, выделять те ситуации и контексты, в которых степень включенности в социокультурную среду оказывается наиболее высокой. Включенность — именно то, что позволяет сходным образом

интерпретировать речь и социальные практики членам сообщества, обладающим сходными элементами идентичности. Иными словами, идентичность, понимаемая как групповая принадлежность — это «общность понимания, доступа к миру и способа действия, которые способствуют конструированию общественных отношений и обеспечивают общую риторическую основу даже в соревнованиях и ссорах» [16. С. 560]. Как формируется эта общность понимания? Очевидно, что она основывается не только на языковых практиках, но и на особых стратегиях социокультурной адаптации каждого индивида. Поэтому справедливо будет заметить, что уровень включенности отражает степень адаптированности субъекта к данному социокультурному полю, а также богатство содержания индивидуальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Беккер В. Сообщество и общество. Об основных понятиях социальной философии и некоторой исторической неизбежности // Научные и вненаучные формы мышления. М., 1996.
- [2] Бодриар Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
- [3] Брубейкер Р.К. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3.
- [4] Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.
- [5] Данилова Е.Н. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. 2004. № 10.
- [6] Деррида Ж. Эссе об имени. М.; СПб., 1998.
- [7] Дудченко О.Н., Мытль А.В. Социальная идентификация и адаптация личности // Социологические исследования. 1995. № 6.
- [8] Камиллери К. Идентичность и управление культурными несоответствиями: попытка типологии // Вопросы социологии. 1993. № 1/2.
- [9] Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество / Пер. с фр. Ж. Горбылевой. М., 2011.
- [10] Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.
- [11] Эрикссон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
- [12] Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3/4.
- [13] *Abrahams R.D. Ordinary and extraordinary experience // The Anthropology of Experience. University of Illinois Press, 1986.*
- [14] *Bauman Z. From pilgrim to tourist — or a short history of identity // Questions of Cultural Identity. L., 1996.*
- [15] *Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. Penguin Books, 1991.*
- [16] *Calhoun C. The variability of belonging. A reply to Rogers Brubaker // Ethnicities. 2003. № 3.*
- [17] *Geertz C. From the native's point of view: On the nature of anthropological understanding // Interpretive Social Science. Berkeley, 1979.*
- [18] *Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in Late Modern Age. Cambridge, 1991.*
- [19] *Grimes R.L. Deeply into the Bone: Re-Inventing Rites of Passage. University of California Press, 2000.*
- [20] *Hall S. Introduction: Who needs "Identity" // Questions of Cultural Identity. L., 1996.*
- [21] *Hegemony and Socialism: An Interview with Chantal Mouffe and Ernesto Laclau // Palinturus. 2007. № 14.*

INTERCONNECTION OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION AND IDENTITY IN THE SOCIALIZATION PROCESS

L.Y. Rakhmanova

Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology
Saint Petersburg State University
Smolnogo str., 1/3, Saint-Petersburg, Russia, 191124

The article considers the influence of the socio-cultural adaptation of an individual on his personality and identity structure; analyzes the processes of primary and secondary socialization in comparison with subsequent adaptation processes, as well as the possibility of a compromise between the unchanging, rigid identity and the ability to adapt flexibly to the changing context. The author identifies positive and negative aspects of adaptation in the contemporary society while testing the hypothesis that if the adaptation is successful and proceeds within the normal range, it helps to preserve the stability of social structures, but does not contribute to their development for the maladaptive behavior of individuals and groups stimulates social transformations. In the second part of the article, the author shows the relationship of the socio-cultural identity and the individual status in various social communities and tries to answer the question whether the existence and functioning of the social community as a pure 'form' without individuals (its members) is possible. The author describes the identity phenomenon in the context of the opposition of the universal and unique, similarities and differences. The article also introduces the concept of the involvement in the socio-cultural context as one of the indicators of the completeness and depth of individual socio-cultural adaptation to a certain environment, which is quite important for the internal hierarchy of individual identity.

Key words: socio-cultural adaptation; personal identity; personality; socialization; internalization; community; society; involvement in the socio-cultural context.

REFERENCES

- [1] *Becker V.* Soobshhestvo i obshhestvo Ob osnovnyh ponyatiyah socialnoj filosofii i nekotoryh istoricheskoy neizbezhnosti [Community and society. On the main concepts of social philosophy and some historical inevitability]. Nauchnye i vnauchnye formy myshleniya. M., 1996.
- [2] *Baudrillard J.* Obshhestvo potrebleniya. Ego mify i struktury [The Consumer Society: Myths and Structures]. M., 2006.
- [3] *Brubaker R.K.* Za predelami "identichnosti" [Beyond "Identity"]. Ab Imperio. 2002. № 3.
- [4] *Husserl E.* Krizis evropejskih nauk i transcendental'naya fenomenologiya [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. *Husserl E.* Filosofiya kak strogaya nauka. Novochoerkassk, 1994.
- [5] *Danilova E.N.* Nestabil'naya social'naya identichnost kak norma sovremennyh obshhestv [Unstable social identity as the norm of modern societies]. Sociologicheskie issledovaniya. 2004. № 10.
- [6] *Derrida J.* Esse ob imeni [Essay about the Name]. M.; SPb., 1998.
- [7] *Dudchenko O.N., Mytil A.V.* Social'naya identifikaciya i adaptaciya lichnosti [Social identification and adaptation of the person]. Sociologicheskie issledovaniya. 1995. № 6.
- [8] *Kamilleri K.* Identichnost' i upravlenie kul'turnymi nesootvetstviyami: popytka tipologii [Identity and the management of cultural discrepancies: An attempt of a typology]. Voprosy sociologii. 1993. № 1/2.
- [9] *Nancy J.-L.* Neproizvodimoe soobshhestvo [Inoperative Community]. M., 2011.
- [10] *Touraine A.* Vozvrashhenie cheloveka dejstvuyushhego. Ocherk sociologii [The Return of the Actor. Essays on the Sociology]. M., 1998.
- [11] *Erikson E.* Identichnost': yunost' i krizis [Identity: Youth and Crisis]. M., 1996.
- [12] *Yadov V.A.* Socialnye i socialno-psihologicheskie mehanizmy formirovaniya socialnoj identichnosti lichnosti [Social and socio-psychological mechanisms of social identity formation]. Mir Rossii. 1995. № 3/4.